

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА КУЛЬТУРУ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Е.Б. Барина

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

Во взаимоотношениях Китая с кочевыми народами Сибири материальный и духовный аспекты культуры воспринимались параллельно, но материальная культура при контактах проявлялась более наглядно и особо привлекала внимание соседей. Это произошло в процессах взаимообмена, подражания или заимствования отдельных черт культуры – искусства, ремесла, одежды, питания, жилища, транспортных средств и т.д.

Ключевые слова: Китай, Южная Сибирь, материальная культура, домонгольское время.

Расположенная в непосредственной близости от центра материка, Южная Сибирь, начиная с эпохи бронзы, находилась в тесном взаимодействии с соседними высокоразвитыми цивилизациями.

Степень влияния какой-либо инородной культуры на формирующийся или уже сложившийся этнос необходимо оценивать в двух аспектах. Во-первых, объем и удельный вес импортных товаров в местных комплексах. Во-вторых, проникновение, адаптация и жизнеспособность инородных элементов (религиозных представлений, обрядов; новых отраслей ремесла, искусства, орнаментальных мотивов; технологий производства и т.д.) в местной среде.

Хотя во взаимоотношениях зоны земледелия (Китая) с кочевыми районами (Сибири) материальный и духовный аспекты культуры воспринимались параллельно, но материальная культура при контактах проявлялась более наглядно и особо привлекала внимание соседей. Это было более заметно в процессах взаимообмена, подражания или заимствования отдельных черт культуры – искусства, ремесла, одежды, питания, жилища, транспортных

средств и т.д. Все эти аспекты в полной мере проявились в отношениях Китая со своими северными соседями.

По письменным источникам известно, как в результате частых военных столкновений между кочевниками и китайцами в среду народов Южной Сибири могли попадать трофеи и пленные, знакомившие их с культурой и бытом Китая. Немаловажной статьёй распространения китайского импорта были многочисленные дипломатические визиты и мирные соглашения, которые сопровождалась вручением обильных даров. В мирные периоды в приграничных районах действовали торговые ярмарки, где кочевники могли обменять свою продукцию на китайские вещи.

Все эти факторы способствовали проникновению из Китая в среду кочевников главным образом шелка и шелковой ваты, вышитых шелком гобеленов и одежды, предметов домашней утвари (зеркал), продуктов земледелия – проса, риса, вина. Этим же объясняются находки китайских монет на памятниках Южной Сибири. О популярности всего китайского в среде кочевников не раз замечали письменные источники (1).

Из перечня предметов китайского импорта, найденных на памятниках Южной Сибири, начиная с древности и до средневековья, видно, что проникновение китайской культуры на Север было не только значительным, но и проходило поэтапно.

При изучении истории Южной Сибири начиная с III в. до н.э. необходимо учитывать несколько важнейших явлений. Во-первых, Китай начал активно прокладывать торговые пути на запад и столкнулся с варварскими кочевыми племенами. Во-вторых, в III–II вв. до н.э. в Центральной Азии сложился могущественный хуннский военный союз со ставкой в Южном Прибайкалье. Собственную культуру хунны строили на основе тех достижений, к которым пришли племена Ху в предшествующий, скифо-тагарский, период, но обогащали лучшими достижениями Востока (прежде всего Китая эпохи Хань).

Во-первых, связи с Китаем оказали большое влияние на появление и развитие оседлого земледельческого хозяйства у хуннов. Источники говорят о том, что до начала эпохи Хань хунны не умели возделывать землю. Известно, например, что в начале I в. до н.э. захваченный в плен китайский полководец Вэй Люй, ставший ближайшим советником шаньюя, посоветовал хуннам заняться земледелием, для чего он рекомендовал выкопать колодцы и построить города с амбарами для хранения хлеба. Предложение Вэй Люя, как сообщают источники, не было принято (2).

Китайские источники неоднократно отмечали отсутствие у северных «варваров» постоянного жилища. Однако начиная с ханьского времени, когда хунну столкнулись с развитой оседло-земледельческой цивилизацией Китая, у них появляются поселения (уже известно около 220) (3). Именно в этот период, как свидетельствуют письменные и археологические материалы, на данную территорию стали активно расселяться ханьцы, оказавшиеся по тем или иным причинам вдали от родины (4).

Наглядным доказательством письменных свидетельств могут служить результаты археологических исследований памятников хуннского времени (Иволгинского городища в Забайкалье, дворца в Хакасии), которые, были основаны китайцами. Например, при раскопках Иволгинского городища было выявлено китайское влияние не только в технике строительства, форме строений, в типе отопительных труб по образцу традиционного «канна», но и в самом облике памятника, который был возведен в виде типично китайской крепости с системой оборонительных сооружений. Найденная на городище керамика, бронзовые чаши, чугунные сошники выполнены в китайском стиле с иероглифами (5).

Очевидно, таким же форпостом китайской культуры в Сибири был и раскопанный Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой китайский дом в Абакане (6). Нет сомнения в китайском происхождении строителей и обитателей этого дома. Это мог быть дом какого-нибудь плененного китайца, принцессы или китайская торговая фактория.

Естественно, что, постепенно осваивая основы китайского ремесла и строительного дела, хунны со временем начали создавать собственные оседлые поселения. Об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок в Монголии, где было обнаружено более десяти городищ ханьской эпохи. Эти городища принадлежали хуннам, осевшим на землю и занимавшимся земледелием (7).

Во-вторых, китайское влияние проявилось и на предметах домашней утвари, например на продуктах гончарного производства. Для хунну характерна посуда для приготовления еды в виде кринковидных горшков красноватого и бурого цвета с рифленой бороздкой или рельефной поверхностью (8). Такие сосуды найдены в Бурятии (кроме Ильмовой и Черемуховой падей), на Иволгинском городище и поселении Дурены (9), в Дэрестуйском могильнике (10), на Хара-Усу и Ургун-Хундуе (11), в Монголии на р. Хуни-Гол (12), в Хакасии во дворце близ Абакана (13).

По форме эти горшки однообразны и равновелики: широкогорлые с отогнутым наружу и утолщенным венчиком, слабо выраженной шейкой о плечиками, с округлым и скошенным книзу корпусом, плоскодонные с отпечатками шипа от гончарного станка. Орнаментированы они, как правило, по шейке горизонтальной и волнистой врезной линией «змейкой» в один или два ряда. Снаружи поверхность горшков, за исключением венчика, покрыта косыми, резко выраженными бороздками от зубчатой лопатки. Керамика с ребристой поверхностью встречается в Забайкалье с неолитических времен, однако близкие аналогии именно хуннских сосудов были распространены на памятниках ханьского Китая (14).

Китайские аналогии в некоторых типах глиняной посуды дают нам основание говорить о заимствовании хуннами форм и технологии изготовления этих сосудов, или, возможно, об изготовлении их пленными китайскими мастерами (15). Например, на территории Сибири нет аналогий керамике из

Иволгинского городища, некоторое сходство можно лишь отметить с керамикой из плиточных могил Забайкалья (16). Однако аналогии иволгинских сосудов имеются в ханьской керамике, в которой мы находим и значительную часть форм, и отдельные приемы обработки поверхности и орнаментации сосудов. Таким образом, керамика отразила слияние местных традиций с влиянием внешним.

В-третьих, следы проникновения элементов китайской культуры прослеживаются и в искусстве хунну. Можно выделить несколько орнаментальных сюжетов, в которых это влияние проявилось особенно ярко: изображения борьбы ящерообразного дракона с двумя тиграми на бронзовой пряжке из Иволгинского могильника (17); трафаретные в «китайском» стиле условные обозначения на теле животных на ноинулинских коврах (18); изображение рогатого и крылатого волка на костяной трубочке из Ильмовой пади (19); орнамент на миниатюрной костяной подвеске из Ильмовой пади и на деревянном навершии из Ноин-Улы (20). Эти вещи можно рассматривать как произведения искусства, отражающие синтез скифо-сибирского и китайского элементов.

В-четвертых, влияние Китая сказалось и в духовной сфере. Из письменных свидетельств, прежде всего «Шицзи», известно, что хунну поклонялись дракону (21). Археологические раскопки также свидетельствуют о том, что хунну высоко чтили дракона, и его образ занимал значительное место в их духовной жизни. В начале 80-х гг. в Хакасии были найдены хуннские бронзовые котлы с изображением дракона. Причем фигура дракона у хунну полностью совпадала с изображением дракона у китайских земледельцев (22).

Таким образом, сведения письменных источников, подтвержденные археологическими данными, убеждают в том, что в эпоху Хань влияние китайской культуры на кочевников было глубоким и разносторонним. Не только сами вещи, но и технология их изготовления, опыт и навыки китайских мастеров, достижения агротехники и ремесла распространялись в это время далеко за пределы китайских границ.

В эпоху, синхронную с периодом хуннского преобладания в Центральной Азии, произошли серьезные перемены и в развитии самих южносибирских народов, что ярко отразилось в большом своеобразии дошедших до нас памятников. В рамках темы нашего исследования актуален аспект китайского влияния на сложение этих культур.

Как элемент возможного китайского влияния на культуру Южной Сибири можно рассматривать ритуал захоронения в могильниках кукол-манекенов (23). Долгое время считалось, что куклы изображают людей, сопровождающих покойников в загробный мир. Подобные погребальные обычаи широко распространены в Китае и отражены в археологических материалах, письменных источниках, в китайской этнографии. Наибольшую известность получили тысячи керамических воинов, обнаруженных у гробницы императора Цинь Шихуана (III в. до н.э.) и рядом с гробницами военачальников эпохи Западная Хань в местечке Янцевань (24).

Также было характерно класть в китайские могилы изображения слуг. Для бедных могил ханьского периода изготавливали деревянные фигурки, для богатых – глиняные (25). Характерна для Китая и традиция бросать в могилу умершего мужа какой-то символ жены, иногда соломенный манекен.

Китайские источники отмечают, что после смерти шаньюев вместе с ним могли быть погребены более сотни его приближенных (26). В самом Китае жертвоприношения практиковались с древнейших времен (27). Впоследствии реальные жертвоприношения стали заменять символическими с использованием кукол-манекенов.

Похожий обряд прослеживается и в гробницах шаньюев в горах Ноин-Улы в Монголии. На Енисее подобные обычаи фиксируются начиная с хунно-сарматского времени, одновременно с проникновением на эту территорию других элементов китайской культуры. Погребальные манекены не только по идее, но и по форме исполнения выглядят заимствованными из Китая (28).

Немаловажную роль в погребальном обряде южносибирских народов этого периода играли погребальные маски – глиняные или гипсовые скульптуры, вылепленные по голове трупа или куклы в 3/4 головы или целые головы, несъемные, глухие. Эти маски более близки по своим функциям не маскам-накладкам, найденным в на Украине, в Поволжье, на Каме, в Киргизии, а скульптурам, и могут быть сопоставляемы как с китайскими керамическими фигурками воинов, так и со среднеазиатской и восточно-туркестанской светской и религиозной скульптурой.

Во-первых, китайские статуэтки раскрашены разными красками, на них изображены одежда, доспехи, прически, головные уборы. Изображение волос имеется и на сибирских бюстах: на них иногда нарисованы или приклеены бусы. Головные уборы (из глины) обнаружены в курганах у с. Береш и Шестаково. Лица сибирских скульптур всегда раскрашены, иногда ангобированы.

Во-вторых, об этом свидетельствует наличие большого количества орнаментов неместного происхождения, в том числе китайских. Например, на круглых бляшках несколько штампов, схожих между собой. Это центральная выпуклость, вокруг которой размещены еще 6 крупных или 12 мелких. Штамп имитирует центральную часть концевых дисков ханьских черепиц, широко распространенных и за пределами собственно Китая (29). Неместными сюжетами являются силуэт животного кошачьей породы, грифона, спираль, а также растительные узоры. На последних изображены какие-то растения, иногда с листьями типа ивы и зернами (30).

В-третьих, росписи глиняных и гипсовых лиц поверх гипсового покрытия в виде завитков и спиралей имитирует те, что отлиты на личинах от дверных ручек китайского дворца под Абаканом.

Многие китайские погребальные обряды сопровождалась жертвоприношениями людей, а впоследствии изготовлением не только кукол, но и

специальных вещей. При этом ритуальным цветом был красный. Аналогичную традицию можно наблюдать и у южносибирских народов (в частности, у таштыкцев): захоронение манекенов, изготовление масок, погребальных деревянных моделей кинжалов в ножнах, луков, древков стрел, зачастую окрашенных в красный цвет.

Влиянием земледельческих цивилизаций можно объяснить появление некоторых специфичных традиций у скотоводов. Например, подсыпание под головы покойников (могильники Оглахты, Салбык) мелких семян типа проса или китайской чумизы. Именно в похоронных обрядах китайцев существовало представление о связи проса и усопших. Прежде по всему Северному Китаю в праздник поминовения усопших был обычай поклоняться просу и конопле. Стебли проса клали у дверей, очага, семейного алтаря, а снопы – у ворот. Их раскладывали на семейном кладбище, жгли и т.д. В китайском фольклоре мертвые, возвратившись в лоно земли-матери, оберегают семена новой жизни (31).

Свидетельством непосредственных контактов населения Китая и Сибири является сложившаяся в первых веках гибридная сибирско-китайская форма зеркала, с приподнятым бортиком и шишкой-петлей в центре. Такие зеркала найдены на северных границах Китая (32) на Алтае, Енисее, в Туве.

В связи с этим встает вопрос о путях проникновения китайского влияния на территорию Южной Сибири в первых веках н.э. Решение этой проблемы напрямую связано с политической обстановкой, сложившейся в регионе. Известно, что большинство торговых путей, соединявших Китай с другими землями, контролировали хунны. Однако после их разделения на северных и южных в середине I в. до н.э. и после того как они проиграли войну китайцам, хунны потеряли контроль над всеми торговыми дорогами и сами попали в зависимость от Хань.

В то же время для Китая сложилось благоприятное положение в Западном крае. С установлением китайского протектората над Восточным Туркестаном (с середины I в. до н.э.) китайцы стали контролировать все участки Шелкового пути, в том числе и ведущие в Сибирь.

Более того, они проложили в Восточном Туркестане новый тракт, соединяющий их юго-восточные и северные колонии, что позволило им передвинуть свои посты к северу. Вследствие этого борьба китайцев с хуннами за торговые пути была перенесена на территорию северного Синьцзяна и сибирские окраины.

Как самые северные государства, созданные китайцами, источники упоминают Северное и Южное Цзюйши, за северными пределами уже созданного ранее государства Дальнего Цзюйши, у Монгольского Алтая. В новых государствах преобладало кочевое население, и не было постоянной резиденции китайского правителя (33). На новых территориях они создавали гарнизоны и особые военно-земледельческие поселения из «пахотных» солдат, которые обрабатывали землю, проводили оросительные каналы, организовывали торговый обмен с местным населением.

Однако первая колонизация Восточного Туркестана оказалась кратковременной, так как в I в. н.э. хуннам вновь удалось захватить контроль над торговыми путями. Поселения китайцев с Сибири оказались отрезанными от других колоний, и их жители были вынуждены приспосабливаться к местным условиям. Версия о существовании китайской колонии на Енисее (со второй половины I в. до н.э. по 25 г.) объясняет инновации, появившиеся в это время в местной культуре южносибирских народов (34).

Китайская колонизация Западного края возобновляется с конца I в. н.э. Из Китая через туркестанские колонии поступают шелковые ткани, лаковые изделия, зеркала и т.д. Доказательством этому могут служить находки совершенно идентичных полихромных тканей в могильнике Оглахты на Енисее и в китайской колонии Лоулань (III – начало IV в.).

Примерно с III в. н.э. до эпохи династии Тан отношения Китая с Севером были ограничены. Об этом свидетельствует очень небольшое количество китайских монет, найденных на сибирских памятниках этого времени, например, на Енисее всего 4 монеты VI в. Это можно объяснить военной слабостью Китая и противодействием со стороны жуань-жуаней и тюрок, которые в первый период их господства создавали серьезное препятствие для связей с Китаем.

Торговые отношения значительно оживились в VII в., когда в 20-х гг. Танская империя завоевала восточных тюрок. Этому времени соответствуют находки в Минусинской котловине 45 монет Танской династии чеканки 621 г. Империя Тан устанавливает прямые дипломатические и торговые связи с усилившимся Кыргызским государством. Эти контакты начались с отправки в 633 г. в государство кыргызов посланника Ван И-хуна и регулярно продолжались в течение ста с лишним лет. По сведениям письменных источников, с 643 по 747 г. было зарегистрировано одиннадцать кыргызских посольств. Посольства с почетом принимались при дворе и богато одаривались.

О внешних связях Южной Сибири в VII–XI вв. говорит богатейший археологический материал. Большая часть его иллюстрирует связи кыргызов с Танской империей. Это, прежде всего бронзовые зеркала, монеты, шелковые ткани, ювелирные и лаковые изделия, сельскохозяйственные орудия. Всего более 90 зеркал периодов Суй и Тан обнаружено в Минусинской котловине и окружающих ее районах. Таким образом, этот регион – крупнейший центр находок танских зеркал за пределами собственно Китая. Среди находок представлены все основные типы зеркал того времени, а некоторые из них встречаются впервые (35).

Находка значительного количества танских монет [340] (36), хранящихся в Минусинском музее, свидетельствует о том, что эти монеты имели хождение в древнехакасском государстве. Через одно из кыргызских посольств в Минусинскую котловину попала уникальная позолоченная монета цяньчжун юаньбао, происходящая из дворца танских императоров (37).

К эпохе Тан восходят также находки шелковых камчатных тканей на Алтае и в Туве.

Некоторая часть танских изделий в Южную Сибирь шла по юго-восточной дороге через Ордос, Монголию (38). Большое число танских вещей попало к кыргызам после разгрома ими уйгуров в 840 г. и установления прямых контактов с Танской империей (39). Часть этих изделий попала через Минусинскую котловину по Кыргызской дороге, значение которой как торгового пути возросло в период уйгурской блокады (40).

Однако, как показывает археологический материал, связи с Китаем в это время не ограничивались только экономическими интересами. Сибирские народы, как и прежде, перенимали некоторые лучшие достижения китайской цивилизации.

Так, китайское происхождение имеет один из типов стремян, появившийся в Южной Сибири после VI в. (41). Он отличается тем, что на вершине дуги стремени имеется пластина, в которой пробито ушко для путлища.

Большинство стремян этого типа имеет квадратную пластинку. У некоторых стремян пластинка сильно вытянута вверх. Такие стремяна отличаются еще изогнутостью нижней части боковых дуг при переходе их в подножие. Китайские стремяна были найдены в Уйбатском (42) и Копенском (43) чаатасах, в погребениях Капчалы I (44).

Этот тип аналогичен только бронзовым стремянам, найденным в Китае. Например, найденное в кургане № 5 Уйбатского чаатаса стремя украшено богатой инкрустацией: среди серебряных завитков растительного узора и цветов порхают птицы из золотистой бронзы. Этот орнамент находит себе полную параллель в китайском искусстве Танской эпохи и позднее. Стремяна с пластинчатым ушком позднее стали делать и на Енисее (в IX–X вв.), на что указывает их находка в Туяхтытском кладе (45).

Этот тип стремян распространяется и на юг Европейской части России. Там они найдены в Перещепинском кладе VII в. (46), в инвентаре Верхне-Салтовского могильника, в Воробьевском могильнике близ Воронежа (47) и в могильниках VI–IX вв. на Сев. Кавказе (48).

В Венгрии этот вид стремян впервые появляется в VI в. и широко распространяется в VII и VIII вв. (49). Позднее, с IX в., его заменяют стремяна с четырехугольным ушком на верху дуги также восточного происхождения. Они имеются среди случайных находок в Минусинском музее (50).

Некоторые имеют ушко, украшенное головками животных совершенно так же, как украшено головами драконов хранящееся в Минусинске бронзовое китайское стремя.

Во многих курганах VI–VII вв. были найдены прекрасно выполненные на гончарном круге высокие сосуды, так называемые «кыргызские вазы» (51).

Специфической особенностью этих ваз было своеобразное качество глины. Тонко отмученная, после обжига она превращается в звонкий черепок, напоминающий больше всего не керамику, но камень серого цвета.

Аналогичное качество было характерно для китайских черепиц и отделочных плит стен китайского дома под Абаканом ханьского времени.

Полную аналогию по внешнему виду кыргызским вазам можно найти среди сосудов, найденных в Северном Китае, Монголии и Бурятии (52). Особенно близка к кыргызским ваза, найденная в кургане VI–VII вв. в урочище Наинтэ-Сумэ в Монголии (53). Сходство здесь подчеркнута не только единством формы и качеством материала, но и тождеством орнамента. Как монгольская, так и большинство енисейских «кыргызских vaz» украшены широким поясом идущего по плеча елочного орнамента, нанесенного путем последовательных отпечатков штампа (54).

Таким образом, техника, форма и печатная орнаментация «кыргызских vaz» воспроизводят китайские приемы. Китайская техника обработки глины, дававшей после обжига «каменный» черепок, стала известна в Сибири на рубеже н.э. (черепицы из китайского дома в Хакасии). Форма vaz была разработана в Китае в VI–VII вв. Основанием этому служит наличие в Бурятии и Монголии еще в хуннскую эпоху крупных сосудов, по форме своей близких к вазе из Наинтэ-Сумэ и к аналогичным ей «кыргызским».

Большое количество таких vaz, обнаруженных в Южной Сибири, свидетельствует о тесных отношениях проживающего здесь населения с Монголией и Китаем. На то, что в этих связях кыргызы занимали исключительное положение сравнительно с другими сибирскими народами, указывает распространение vaz. Они найдены только в Монголии и Бурятии и в особенно большом числе в Минусинской котловине. Этот факт указывает на наличие деловых связей кыргызов с населением Монголии в эпоху тюркского каганата в разгар военных столкновений с Китаем.

Большой перерыв в отношениях с Китаем со второй половины VII в. до середины VIII в. отмечен отсутствием в Южной Сибири китайского нумизматического материала. Это можно объяснить войной орхонских тюрок против китайцев, закончившейся восстановлением самостоятельности каганата в 682 г., что опять затруднило отношения кыргызов с Китаем. Дипломатические же отношения, которые кыргызы, по сведениям китайских хроник (55), поддерживали, отправляя в Китай посольства, носили в этот период стратегический характер, поскольку кыргызы были союзниками Империи в войне против тюрок.

Археологические памятники VIII–IX в. на территории Южной Сибири относятся к периоду существования в Центральной Азии Уйгурского каганата. Его западная граница проходила по Восточному Алтаю, восточная достигала верховьев Амура и современной территории Манчжурии, Южная – танского Китая, а северная – оз. Байкал. Уйгуры распространяли свое влияние и на Туву и на Хакасию.

На начальном этапе уйгурского периода связи с Китаем несколько активизировались. На первые годы их владычества (758 и 759 гг.) приходится находки 13 монет.

Однако, как отмечает китайская хроника, после 758 г., когда уйгуры завоевали кыргызов, «хягасские посольства уже не могли проникнуть в срединное государство» (56), т.е. уйгуры блокировали традиционные торговые пути. И действительно, в Минусинской коллекции имеется только 6 монет этого времени (780 г.).

Однако сами уйгуры довольно активно использовали в хозяйстве предметы китайского производства. Об этом свидетельствуют находки из крепости у г. Шагонара. При раскопках цитадели были обнаружены обломки танского фарфора. Нередки находки шелковых тканей и даже танских плугов (найденны железные чечевицеобразные отвалы сложного плуга).

Перерыв во взаимоотношениях с Китаем длился вплоть до 40-х гг. IX в., когда войска кыргызов разбили уйгуров и заняли господствующее положение в Центральной Азии. В результате разгрома уйгуров и захвата значительных территорий Монголии и Восточного Туркестана Кыргызское государство в течение последующих семидесяти лет становится ведущей силой в Центральной Азии. После почти 100-летнего перерыва кыргызы вновь восстанавливают свои внешние торговые и политические связи. Сохранились сведения о посылке в слабеющую империю Тан трех кыргызских посольств (57). Они посещали Китай в период между 860 и 873 гг. (58). Впоследствии, во время полного развала и гибели империи Тан, неизвестно, были ли посольства и были ли дарованы жалованные грамоты, поскольку историки не вели записок.

Однако, как показывают археологические материалы, IX в. был пиком в отношениях кыргызов с Китаем. К этому времени относятся находки 237 монет, относящихся к 841–846 гг., и 88 экз. китайских зеркал (59). Причем предметы китайского импорта были так популярны у местного населения, что объем ввозимых товаров не мог удовлетворить спрос. Поэтому в кыргызском государстве широко практиковалось изготовление местных подражаний китайским предметам, например, зеркалам. Для этого в Минусинской котловине существовало необходимое сырье и высокоразвитое ремесло.

Характерная черта зеркал этого времени – наличие явной разницы между привозными зеркалами и местными отливками. Привозные зеркала имеют характерный для танского времени белый металл и тщательно выполненный орнамент с проработанными деталями. Как правило, они массивны. У местных отливок орнамент обычно стертый или размытый, часто с плохо различимыми деталями. Металл местных зеркал, в отличие от танских, желтый и, как правило, покрыт темной патиной. Это различие в составе металла подтверждается спектральным анализом, дающим точный критерий для разделения этих двух больших групп.

Внутри этих групп анализ позволяет выделить, в свою очередь, небольшие подгруппы с характерным для них составом металла.

Среди большого количества различных зеркал кыргызы выбирали для копирования лишь несколько, близких им по орнаментальным мотивам.

К таким относятся, прежде всего, изображения животных и винограда, а также четырех бегущих зверей. Широкое распространение зеркал среди местного населения сыграло значительную роль во внедрении элементов танского орнамента в кыргызском искусстве. Обогащаясь за счет танских, сасанидских и среднеазиатских мотивов, кыргызские мастера успешно вырабатывали свой собственный стиль, лучшими образцами которого могут служить находки в Копенском Чаатасе (60).

Кыргызский период продолжался недолго – в начале X в. кыргызское государство распалось на несколько полузависимых княжеств. В это же время далеко внутрь Монголии стали продвигаться кидани, укрепляя свою северо-западную границу постройкой ряда крепостей. Непосредственно гранича с киданями, кыргызы установили с ними тесные связи, и письменные источники неоднократно упоминают об обмене посольствами между Ляо и кыргызами (61).

Кыргызско-киданьские связи не прекращались и после крушения Ляо и образования каракиданьского государства (62). К этому времени относится многочисленная группа зеркал, насчитывающая около 70 экз., и 37 китайских монет чеканки династии Сун и 3 японских монет 1091 г. (63). Эти находки свидетельствуют о тесных культурных и экономических связях между кыргызскими княжествами и киданьской державой. К этому же времени относится проникновение в Южную Сибирь японских и корейских зеркал. Это связано с многочисленными и постоянными торговыми и политическими связями империи Ляо двумя соседними странами (64).

В результате этих связей японские и корейские изделия могли проникать в самые отдаленные уголки киданьской империи.

Кроме того, по данным киданьской династийной истории «Ляоши» известно, что после основания в 1004 г. важнейшей северо-западной крепости Кодунь на р. Керулен с гарнизоном в 20 тыс. чел. туда было сослано большое количество бохайцев и чжурчжэней из пограничных с Кореей областей (65). Их переселение также способствовало появлению корейских и японских изделий на границе с кыргызскими княжествами, откуда эти изделия, и прежде всего зеркала, могли легко попасть в Южную Сибирь.

Однако империя Ляо отделяла от Южной Сибири и сунский Китай, что существенно ограничило возможности последнего оказывать какое бы то ни было влияние на южносибирские народы. Проникновение китайского импорта на Север в данный период осуществлялось через посредничество киданей и чжурчжэней (66). Отсутствием прямых торговых связей объясняется находки всего 4 китайских монет этого времени.

В XII–XIII в. политическая обстановка в Центральной Азии также не способствовала успешным отношениям южносибирских народов с Китаем. К этому времени относятся лишь 8 цзиньских монет, найденных к тому же в одном месте, около с. Каптырево. Монгольское нашествие начала XIII в. окончательно оборвало кыргызско-китайские связи. За исключением одной

монеты XIV в. китайский нумизматический материал исчез из Южной Сибири почти на 400 лет.

Таким образом, анализ значительного количества археологических материалов позволяет нам, во-первых, достаточно четко выделить и типологизировать комплекс китайского импорта на памятниках Южной Сибири, во-вторых, выявить элементы влияния китайской культуры на местные традиции. Общий массив находок китайского импорта на территории Южной Сибири не ограничивается упомянутыми изделиями, но эта базовая выборка позволяет абстрагироваться от менее значимых артефактов.

Связи с Китаем, в конечном счете, оказали большое влияние на появление и развитие оседлого земледельческого хозяйства у местных кочевников. Влиянием земледельческих традиций можно объяснить появление некоторых специфических обрядов у скотоводов, например, ритуал подсыпания под головы покойников мелких семян типа проса или китайской чумизы и др.

Влияние китайской материальной культуры имело принципиальное значение для появления определенных отраслей местного производства: появления новых типов зеркал практически на всей территории Южной Сибири; некоторых видов домашней утвари – плетеных изделий, керамической селадоновой и фарфоровой посуды, бронзовых котлов, металлических ухорток-булавок, пинцетов; украшений и т.д.

На основании археологического материала четко прослеживается периодичность и интенсивность проникновения китайского влияния на развитие народов Южной Сибири.

Наиболее интенсивные контакты китайской цивилизации с народами Южной Сибири приходятся на периоды хуннского преобладания в Центральной Азии (со II в. до н.э. по III в. н.э.) и существования Кыргызского государства (VII–XI вв. с перерывами), которые совпали по времени с усилением китайской империи и осуществлением наиболее успешной политики в Восточном Туркестане. Восточноазиатское влияние на материальную культуру южносибирских народов было незначительным в периоды ослабления китайского государства и противодействия межцивилизационным контактам со стороны кочевых народов жуань-жуаней и тюрок (III–VI вв.), Уйгурского каганата (конец VIII – начало IX в.), монгольских племен (с начала XIII в.).

Посредничество киданей и чжурчжэней (XI–XII вв.) в контактах Китая с южносибирскими народами значительно ограничило проникновение влияния его культуры на Север, но способствовало появлению корейских и японских изделий в этом регионе.

В целом, влияние культуры китайцев на территории Южной Сибири нашло отражение в архитектуре отдельных городищ, в появлении свиноводства, земледелия, ирригационных систем, в сходстве китайских и местных верований, в росписи гипсовых масок, которые сами по себе составляют инновации в местной материальной культуре, в появлении новых отраслей местного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Бичурин И.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. I.
- (2) Там же. – С. 78.
- (3) Киселев С.В. Древние города Монголии // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 г. – М., 1957. – С. 5.
- (4) Н.Я. Бичурин отмечает, что Байкал был обычным местом ссылки задержанных хуннами китайских послов. См.: Бичурин И.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – С. 68–70; Шиобин В-Чжан. Следы пребывания китайцев в Сибири // Известия Восточно-Сибирского отдела Гос. русского географического общества. – Иркутск, 1926. – Т. 51. – С. 167.
- (5) Давыдова А.В. Иволгинское городище // Советская археология (СА). – 1956. – XXV. – С. 268–296.
- (6) Евтюхова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР (КСИИМК). – М.; Л., 1946. – № 12.
- (7) Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. – 1958. – № 5. – С. 42.
- (8) Талько-Грынцевич Ю.Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. – Вып. 2. – Т. I. – Иркутск, 1898. – Табл. XVII, а 4, в 6. Табл. XVIII, 17, 18.
- (9) Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи в долине реки Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. – М.; Л., 1947. – № 14. – С. 37. Рис. 26; Давыдова А.В. Иволгинское городище // СА. – XXV. – 1956. – С. 278. – Рис. 10.
- (10) Сосновский Г.П. Дэрестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ (ПИДО). – 1935. – № 1–2. – С. 171. – Рис. 4.
- (11) Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы по палеэтнологии Забайкалья // Тр. Троицко-Кяхтинского отделения Приуральского отдела русского географического общества (ТКОПОРГО). – III, 2 и 3. – Иркутск, 1900. – Табл. IV, д, к.
- (12) Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-гол (1954–1957) // Монгольский археологический сборник. – Новосибирск, 1962. – С. 39. – Рис. 8.
- (13) Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л., 1951. – С. 481. – Табл. XV, 6.
- (14) Hochstadter W. Pottery and stonewares of Shang, Chow and Han // Bulletin of the Far Eastern Museum antiquities. – № 24. – Fig. 52. – Tab. 13. – Stockholm, 1952.
- (15) Давыдова А.В. Новые данные об Иволгинском городище // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ). – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 3. – С. 162; Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962. – С. 60.
- (16) Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье: Автореф. дисс. ... к.и.н. – Л., 1965.
- (17) Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. – 1971. – № 1. – Рис. 7.

- (18) *Руденко С.И.* Культура хуннов... – С. 80. – Таб. XII–XV.
- (19) Там же. – С. 82–83. – Табл. XXXVI, 1 и 2.
- (20) Там же. – С. 84. – Табл. XXXIV, 3.
- (21) *Бичурин И.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений... – С. 49.
- (22) В 1987 г. археологи КНР обнаружили в кургане Сишуйпо – недалеко от города Пуянь (в пров. Хэнань) три группы вставок с изображением дракона, инкрустированные раковинами беззубки (созданы около 5500 лет назад. В 1980 г. в развалинах около г. Чифэн во автономном районе Внутренней Монголии КНР нашли изображение дракона, вырезанного из нефрита (около 5000 лет назад).
- (23) *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999. – С. 185.
- (24) *Кожанов С.Т.* Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняной скульптуры Янцзявань) // *Древние культуры Китая палеолит, неолит, эпоха металла. История и культура востока Азии.* – Новосибирск, 1985. – С. 112–113.
- (25) *Терехова Н.Н.* Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // *СА.* – 1959. – № 3. – С. 34.
- (26) *Бичурин И.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений... – С. 50.
- (27) *Кучера С.Н.* Проблемы древней истории Китая в археологической науке КНР // *Общественные науки в КНР.* – М., 1986. – С. 29, 33, 57. – Прим. 18, 19.
- (28) *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха... – С. 186.
- (29) *Киселев С.В.* Из истории китайской черепицы // *СА.* – 1959. – № 3. – С. 160–161.
- (30) *Курочкин Г.Н., Павлов П.Г.* Посттагарская художественная терракота // *Южная Сибирь в древности.* – СПб., 1995. – Рис 1, 2.
- (31) *Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: годовой цикл.* – М., 1989. – С. 39, 79.
- (32) *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.* – М., 1988. – С. 377–378.
- (33) Там же. – С. 250–260.
- (34) *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха... – С. 192–195.
- (35) *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. – М., 1994. – С. 267.
- (36) В основном типа кайюань, на одной из них вырезана руническая надпись «одна расходная монета».
- (37) *Щербак А.М.* Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // *Вестник древней истории (ВДИ).* – 1960. – № 2; *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. – М., 1973. – С. 120–121; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.* – Новосибирск, 1975. – С. 157–158.
- (38) *Бичурин И.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений... – С. 353.
- (39) *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 57.
- (40) *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути... – С. 267.
- (41) *Киселев С.В.* Древняя история... – С. 326. – Табл. LIV. – Рис. 12.
- (42) Уйбат 1, курган № 5, раскопки С.В. Киселева, 1938 г.
- (43) Копены, курган № 2 и 7. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаа-гас у с. Копен // *Труды Государственного исторического музея (ТГИМ).* – Вып. XI. – М., 1940. – Рис. 37. – Табл. LIX. – Рис. 6.
- (44) Капчалы I, кург. № 4 и № 5, раскопки В.П. Левашовой, 1934 г.

- (45) Хран. в Минусинском музее № 5183 и сл.
- (46) Бобринский А.А. Перещепинский клад // Материалы по археологии России (МАР). – № 34. – Табл. VII. – Рис. 15 и 16.
- (47) *Archaeotogia Hungarica*. – 1935. – XVI. – Tab. V. – Fig. 3.
- (48) Там же. – Tab. V. – Fig. I, II.
- (49) Киселев С.В. Древняя история... – С. 326.
- (50) Минусинский музей, №№ 6417–6419, 6443, 6571.
- (51) Киселев С.В. Древняя история... – Табл. LIV. – Рис. 6–9.
- (52) Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Русского географического общества. – Т. I. – Вып. 1–3; Т. IV. – Вып. 3.
- (53) Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л., 1927. – Вып. II. – Табл II. – Рис. 5.
- (54) Киселев С.В. Древняя история... – С. 332.
- (55) Иакинф (Н.Я. Бичурин). Собрание сведений... – С. 499.
- (56) Там же. – С. 450.
- (57) Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Сан-сун Хойчан ипинь цзи» // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. – Фрунзе, 1963. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 68.
- (58) Бичурин И.Я. (Иакинф). Собрание сведений... – С. 357.
- (59) Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. – М., 1975. – С. 16.
- (60) Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-гас у с. Копен...
- (61) Wittfogel K., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society Liao (907–1127). – Philadelphia, 1949. – P. 103–104, 320.
- (62) Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. – М., 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 502–503.
- (63) Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // КСИИМК. – 1947. – XVI. – С. 95.
- (64) Wittfogel K., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society... – P. 149–180, 318, 147.
- (65) Там же. – P. 67.
- (66) Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 28.

CHINA INFLUENCE ON MATERIAL CULTURE OF SOUTH SIBERIA IN PRE-MONGOL PERIOD

E.B. Barinova

Department of World History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

In the relations between China and nomadic peoples of Siberia, the material and spiritual aspects of culture were perceived in parallel, but the material culture in the contacts was shown more clearly and particularly attracted the neighbours' attention. This manifested itself in the processes of interchange, imitation or borrowing of some features of culture, such as art, crafts, clothing, food, housing, vehicles, etc.

Key words: China, South Siberia, material culture, pre-Mongol times.